

The poster features a woman with brown hair in a light blue dress in the foreground, looking directly at the camera. Behind her, a man in a dark suit looks off to the side. In the background, a man and a woman are shown in a romantic embrace near a large bouquet of white flowers.

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД.
МОЙ МУЖ ВЫБРАЛ
МАТЬ ЖЕНИХА

Лея Ветрова

**Развод. Мой муж
выбрал мать жениха**

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. Мой муж выбрал мать жениха / Л. Ветрова — «Автор»,
2026

— Потерпи пять недель, Ксюша. Ради дочери. Муж просит меня сохранить его тайну до свадьбы наших детей. Тайну зовут Вероникой. Она — мать жениха. И последние четыре месяца спит с Антоном — моим мужем. Они уже всё решили. На свадьбе мы с её мужем должны изображать счастливые семьи, улыбаться на общих фотографиях и молчать, пока наши дети обмениваются кольцами. А потом нас просто поставят перед фактом. Антон уверен: двадцать лет брака нельзя перечеркнуть одной изменой. Дочь просит не портить её свадьбу. Родные советуют потерпеть. Но ждать я не стану. Впервые я выбираю не то, что удобно всем остальным. Даже если ради этого придётся подать на развод за пять недель до свадьбы собственной дочери и узнать, почему рядом со мной всё чаще оказывается единственный человек, которого предали так же.

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дегустация	5
Глава 2. Пять недель	10
Глава 3. Не ваша свадьба	15
Глава 4. Три начинки	20
Глава 5. Серый костюм	25
Глава 6. Танец с папой	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лея Ветрова

Развод. Мой муж выбрал мать жениха

Глава 1. Дегустация

Соус к утке оказывается слишком сладким. Я понимаю это ещё до того, как успеваю прожевать первый кусочек, но всё равно киваю официантке и аккуратно кладу вилку на край тарелки. За последние два месяца я научилась одобрять вещи, которые мне не нравятся. Золотые салфетки вместо молочных, круглые столы вместо длинных, живые пионы по цене подержанного холодильника. Соня хочет красивую свадьбу, а у меня есть твёрдое намерение не становиться той самой матерью невесты, которая сначала говорит: «Решайте сами, это ваш праздник», а потом до хрипоты спорит из-за оттенка скатертей.

— По-моему, идеально, — говорит Лика и промокает губы салфеткой. Даже помада не остаётся на ткани. У некоторых женщин всё держится лучше, чем у остальных: макияж, укладка, брак. — Антон, попробуй с ягодами. Без них вкус совсем другой.

Она подвигает к моему мужу маленькую фарфоровую чашку. Антон послушно зачерпывает соус, хотя утку он терпеть не может и дома называет её жирной курицей для людей с лишними деньгами. Здесь не называет. Здесь сидит прямо, держит бокал за ножку и выглядит так, будто дегустация свадебного меню входит в круг его ежедневных обязанностей.

Я смотрю на часы. Соня с Ильёй опаздывают уже на двадцать минут. Они поехали забирать кольца, потом застряли в пробке возле торгового центра и теперь присылают в общий чат фотографии красных светофоров. На последней виден палец Ильи, которым он показывает на навигаторе оставшиеся три километра. Лика отвечает им сердечком. Антон даже не достаёт телефон.

Напротив меня Андрей медленно поворачивает стакан с водой. Лёд давно растаял, на скатерти под его ладонью расплзлось тёмное пятно. За весь вечер он сказал фраз пять, две из них — официантке. Обычно я принимала эту молчаливость за спокойствие, но сегодня она выглядит иначе. Будто Андрей пришёл не выбирать горячее, а выслушивать приговор, только ещё не знает, за что.

— Может, всё-таки подождём детей? — спрашиваю я. — Без них странно решать, чем их кормить на собственной свадьбе.

— Они уже всё выбрали, — отмахивается Лика. — Сонечке понравилась утка. Нам осталось только утвердить.

Сонечке. Ещё зимой моя дочь была для неё просто Соней, потом стала «нашей девочкой», а после помолвки — Сонечкой. Я не ревную. Во всяком случае, именно это я отвечаю себе каждый раз, когда Лика рассказывает, какие цветы любит моя дочь, каким лаком она собирается покрыть ногти и почему ей нельзя волноваться перед примеркой. Лика занимается мероприятиями почти пятнадцать лет и умеет входить в чужой праздник так уверенно, словно его без неё вообще не существовало.

Официантка меняет тарелки. Следующим приносят лосося на чём-то зелёном и воздушном. Антон благодарит девушку, дожидается, пока за ней закроется дверь, и кладёт ладони на стол. Не соединяет пальцы, не поправляет приборы — просто прижимает их к белой скатерти. Я замечаю это потому, что дома он точно так же садится напротив меня, когда собирается сказать неприятное. В марте сообщал, что не сможет поехать к моей маме на юбилей. В прошлом году признавался, что поцарапал мою машину и сначала хотел сделать вид, будто так и было.

Лика перестаёт улыбаться. Андрей наконец отпускает стакан.

— Что? — спрашиваю я, переводя взгляд с одного на другого. — Лосось тоже надо есть с ягодами?

Антон смотрит не на меня. Крошечный белый шрам у него над бровью становится заметнее, когда он хмурится. Шрам появился ещё до меня, но я столько лет знала его лицо, что давно считала своим даже эту отметину.

— Ксюш, давай только спокойно.

От этих слов внутри сразу становится нехорошо. Когда человек действительно хочет сообщить что-то спокойное, он не предупреждает заранее. Он просто говорит, что шиномонтаж перенесли на четверг или сахар закончился.

— А я разве нервничаю?

— Пока нет, — негромко произносит Андрей.

Антон бросает на него быстрый взгляд. Не испуганный — раздражённый. Они, оказывается, уже успели поделить роли, и Андрею досталась роль человека, который портит правильно подготовленное выступление.

— Мы с Ликой любим друг друга, — говорит мой муж. — И очень рассчитываем, что вы с Андреем не испортите детям праздник.

В первые несколько секунд слова даже не складываются в смысл. Я слышу каждое по отдельности: мы, Лика, любим, дети, праздник. Всё знакомое, простое, произнесённое тем же голосом, которым утром Антон спросил, купить ли хлеба по дороге домой. Только предложение получается бракованным, как фраза на иностранном языке, дословно переведённая человеком, который не понимает, что говорит.

Потом Лика кладёт руку рядом с его ладонью. Не накрывает, не касается. Между их пальцами остаётся сантиметра три, и от этой аккуратности меня мутит сильнее, чем если бы они начали целоваться через стол.

Я поворачиваюсь к Андрею. Он смотрит на жену, чуть прищурившись, и на его лице нет ни удивления, ни ярости. Только кожа вокруг рта побелела.

— Ты знал?

Он переводит взгляд на меня.

— Теперь знаю.

— Мы хотели рассказать вам вместе, — торопливо вставляет Лика. — Чтобы никто не узнал последним и не почувствовал себя...

Она замолкает, не найдя слова, которое не прозвучало бы издевательски. Обманутым? Униженным? Лишним на дегустации, оплаченной шестью людьми?

Я беру бокал, но вода ударяется о зубы. Приходится поставить его обратно. На скатерти остаётся ещё одно мокрое кольцо, теперь с моей стороны.

— Давно?

Антон проводит большим пальцем по краю тарелки.

— Это имеет значение?

— Если я спрашиваю, значит, имеет.

— Четыре месяца, — отвечает Лика.

На этот раз Андрей шевелится. Не резко, не так, чтобы перевернуть стол или хотя бы звякнуть приборами. Он просто откидывается на спинку стула, словно ему понадобилось больше воздуха между собой и женщиной, с которой он прожил двадцать лет.

Четыре месяца. В апреле Лика прислала мне контакты декоратора. В мае мы втроём ездили смотреть площадку, и по дороге Антон ворчал, что она слишком далеко от города. Лика смеялась, называла его стариком, а я сидела сзади, отвечала на сообщения по работе и думала, как легко нам повезло с родителями жениха. Нормальные люди, никакой борьбы за количество гостей, никакой ревности к детям. Андрей тогда почти всю дорогу молчал. Теперь мне хочется

вспомнить, где лежала рука Лики, когда она поворачивалась к Антону, но память подсовывает только белый подголовник и её серьгу, качнувшуюся возле шеи.

— Значит, когда мы выбирали Соне платье, вы уже... — Я не договариваю.

— Ксения, я понимаю, как это выглядит.

— Правда? Тогда хотя бы одному человеку за столом сегодня повезло.

Антон тяжело выдыхает. Раньше этот звук заставлял меня останавливаться, смягчать тон, искать формулировку, с которой ему будет проще меня услышать. Видимо, за двадцать лет брака у нас выработалась система: он вздыхает, я становлюсь удобнее. Тело помнит её лучше головы. Я уже раскрываю рот, чтобы сказать что-нибудь менее резкое, и сжимаю губы.

— Мы не хотели вас обманывать, — продолжает Лика. Голос у неё дрожит, но глаза остаются сухими. — Просто сейчас очень сложный момент. Свадьба через пять недель. Соня с Ильёй счастливы, зачем рушить им всё из-за наших взрослых отношений?

— Наших? — Андрей чуть наклоняет голову. — Не припомню, чтобы участвовал в этих отношениях.

— Не цепляйся к словам.

— Я пока только к ним и могу прицепиться. Больше мне ничего не оставили.

Лика смотрит на него с усталой жалостью. Так смотрят на человека, который не понимает очевидного и вынуждает объяснять ему дважды.

— Мы давно живём как соседи, Андрей.

— Сегодня утром ты попросила меня забрать твоё пальто из химчистки.

— И что это доказывает?

— Ничего. Просто пытаюсь понять, какие обязанности сохраняются у соседа после того, как его жена начала спать с отцом невесты его сына.

Антон дёргается.

— Можно без этого?

— Без чего? — Андрей поворачивается к нему. — Без точных формулировок?

Я неожиданно чувствую к Андрею почти благодарность. Не за защиту — он защищает сейчас себя. За то, что произносит вслух простые слова, которые двое других старательно заменяют любовью, сложным моментом и взрослыми отношениями.

— Соня знает? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает Антон. — И до свадьбы не должна узнать.

Он говорит это уверенно, будто речь идёт о стоимости банкета или сюрпризе от родителей. Решение уже принято, от нас с Андреем требуется только подтвердить участие.

— А после?

— После свадьбы мы всё объясним. Спокойно, без истерик. Ксюш, пойми, мы всё равно расходимся. Я собирался поговорить с тобой раньше, но Лика убедила подождать. И правильно сделала. Один месяц ничего не изменит.

— Пять недель, — поправляю я. — Ты только что сам сказал.

— Хорошо. Пять недель.

— Ты будешь жить дома?

Он мнётся всего мгновение, но мне хватает.

— Не обязательно сразу всё ломать. Можно вести себя нормально. У Сони и так нервы на пределе.

Нормально — это, видимо, когда утром я варю ему кофе, вечером мы обсуждаем количество алкоголя на гостях, а между этими событиями он пишет чужой жене, что любит её. В субботу мы приезжаем сюда всей семьёй, улыбаемся фотографу. Лика поправляет мне волосы, если выбилась прядь. Андрей держит её за локоть на лестнице. На снимках остаются четыре взрослых человека, двое из которых знают, двое терпят, а дети через месяц получают правду в качестве запоздалого свадебного подарка.

— Нет.

Антон смотрит так, словно не расслышал.

— Что — нет?

— Ты не будешь жить дома. И я не стану пять недель делать вид, что ничего не происходит.

— Я не прошу тебя делать вид. Просто не надо посвящать Соню в подробности до свадьбы.

— То есть делать вид надо, но называться это будет иначе.

Лика подаётся вперёд. Её пальцы наконец касаются руки Антона, и он не отдёргивается.

— Ксюша, пожалуйста. Я понимаю, ты сейчас меня ненавидишь, но мы обе матери. Ты же не хочешь, чтобы Сонечка запомнила свою свадьбу из-за скандала родителей?

Я смотрю на её руку. Ногти короткие, покрыты полупрозрачным розовым лаком. На безымянном пальце обручальное кольцо — тонкое, с россыпью камней. В июне Лика жаловалась, что оно стало тесным в жару, и я посоветовала хорошую мастерскую. Сейчас от этого воспоминания делается почти смешно.

— Убери от него руку.

Лика медлит, потом всё-таки отодвигается. Антон кривится.

— Вот этого я и боялся. Ты сейчас на эмоциях и не способна думать нормально.

— Зато ты прекрасно подумал за всех. Даже место выбрал удобное: счёт принесут, если разговор затянется.

— Место выбрала я, — говорит Лика. — Здесь отдельный зал, никто не услышит.

— Конечно. Ты же профессионал.

Наконец у неё блестят глаза. Возможно, я должна почувствовать себя виноватой. Когда женщина плачет из-за того, что спит с твоим мужем, правила приличия становятся особенно запутанными. Я беру со стола чистую салфетку и кладу перед ней. Лика смотрит на неё, как на пощёчину.

Андрей вдруг тихо смеётся. Один раз, без веселья, и проводит ладонью по лицу.

— Вы даже речь отрепетировали?

— Никто ничего не репетировал, — огрызается Антон.

— Тогда у вас природный талант говорить одинаковыми фразами.

— Андрей, хватит. Мы понимаем, что вам больно.

— Нет, Лика. Вы понимаете, что нам будет больно. Это немного другое. И всё равно решили, что главное сейчас — облегчить себе задачу.

Он произносит это без повышения голоса, но Лика впервые опускает взгляд. Антон, наоборот, выпрямляется. Я знаю это движение: сейчас он начнёт защищать не поступок, а своё право не чувствовать себя плохим человеком.

— Мы никого не собирались бросать перед свадьбой. Все расходы остаются на нас, всё, что обещали детям, мы сделаем. Я отец Сони и им останусь.

— Щедро, — говорю я. — Особенно насчёт расходов. Половина денег там моя.

— Я не об этом.

— А о чём? Ты сообщил жене, что уходишь к матери жениха нашей дочери, и сразу заговорил, какой ты хороший отец. Наверное, это должно уравновесить остальное.

У Антона краснеет шея. Он терпеть не может, когда его загоняют в угол, а выйти красиво не получается.

— Наш брак давно держится только на привычке.

— Вчера вечером ты искал мою ногу под одеялом, потому что у тебя мёрзли ступни.

Лика резко смотрит на него. Мелочь, совершенно невинная и потому почему-то более интимная, чем если бы я рассказала о сексе. Антон убирает руки со стола.

— Не надо опускаться до бытовых подробностей.

— А из чего ещё состоит брак? Из ваших сообщений с сердечками?

В коридоре слышатся быстрые шаги, затем голос Сони. Она смеётся, что-то говорит Илье про парковку. Все четверо за столом замирают, и в этой общей тишине мы впервые за вечер выглядим настоящей семьёй: одинаково испуганные, связанные одной тайной, которую двое создали, а двоим другим только что сунули в руки.

Антон наклоняется ко мне.

— Ксюша, прошу. Не сейчас.

Ли́ка уже достаёт телефон и включает экран, будто всё это время просто проверяла сообщения. Андрей смотрит на закрытую дверь. Лицо у него снова спокойное, только костяшки пальцев белые.

Дверь распахивается. Соня влетает первой — раскрасневшаяся после улицы, с тонким белым пакетом ювелирного магазина в руке. За ней входит Илья, нагруженный коробками. Они ещё пахнут августовским дождём и чем-то сладким из торгового центра.

— Простите, это какой-то кошмар, мы последние двести метров шли пешком, — тараторит Соня, освобождая свободный стул. — Вы уже всё съели? Мам, попробовала утку? Ли́ка говорит, она обалденная.

Она наконец поднимает голову и видит моё лицо. Улыбка исчезает не сразу, а будто медленно сползает, зацепившись за уголок губ.

— Мам, ты плакала?

Я машинально касаюсь щеки. Она сухая. Оказывается, для того чтобы выглядеть заплаканной, слёзы не обязательны.

— Ксюша просто устала, — быстро говорит Антон. — Давайте садитесь, пока горячее не остыло.

Соня смотрит на отца, потом на Ли́ку, которая с ненужным усердием двигает приборы возле своей тарелки. Илья не ставит коробки на пол. Его взгляд останавливается на руке Андрея, всё ещё сжатой на столе.

— Что случилось? — спрашивает он.

Антон едва заметно качает головой. Не детям — мне. Всё ещё уверен, что может попросить меня о пяти неделях, одном вечере, хотя бы о десяти минутах, и я, как всегда, найду способ сделать всем удобно.

Я отодвигаю тарелку с нетронутым лососем и освобождаю место перед собой. Голос получается хриплым, но не тихим.

— Садитесь. Нам действительно нужно поговорить. Только уже не о свадьбе.

Глава 2. Пять недель

Соня садится, потому что ноги, кажется, перестают её держать. Белый пакет она прижимает к коленям, будто кольца внутри могут выскользнуть и разбиться. Илья остаётся стоять. Коробки с подарками для гостей он опускает на свободный стул, а потом смотрит на отца. Не на Лику, хотя именно она прячет глаза, а на Андрея — пытается по его лицу определить, насколько всё серьёзно.

— Пап? — зовёт он.

Андрей разжимает пальцы и кладёт ладони на стол. На коже остаются красные полукружья от собственных ногтей.

— Сядь, Илья.

— Да что случилось-то?

Антон подаётся вперёд раньше меня — привычно, как лучший переводчик с неприятного на приемлемый.

— Ничего такого, что нужно обсуждать на повышенных тонах. Просто у нас произошли изменения, и мы хотели всё объяснить вам позже, когда пройдёт свадьба.

— Какие изменения? — Соня переводит взгляд с него на меня. — Вы разводитесь?

Беда пока знакомая, помещается в слово. Я вижу, как Антон собирается кивнуть, оставить всё в этих границах, и понимаю: если промолчу, он построит детям версию, в которой наш брак тихо умер по взаимному согласию, а Лика просто случайно оказалась рядом с венком.

— Да, — говорю я. — Папа уходит от меня. К Лике.

Соня моргает, потом оглядывается, словно в зале может обнаружиться ещё одна, более подходящая Лика.

— К какой Лике?

— Сонечка... — начинает та.

Илья резко отодвигает стул. Одна коробка падает, и по паркету раскатываются маленькие баночки с мёдом, перевязанные бечёвкой. На каждой — «Илья и Соня» и дата свадьбы. Одна докатывается до ноги Антона. Он поднимает её и держит в руке, не зная, куда поставить.

— Мам, — произносит Илья. Голос у него становится глухим. — Он отец Сони.

Лика наконец смотрит на сына.

— Я знаю, кто он. И знаю, как это сейчас звучит. Мы не собирались делать вам больно.

— А что собирались?

— Дождаться свадьбы. Дать вам спокойно пожениться, а потом всё рассказать. Это наши отношения, они никак не меняют того, что между вами.

Илья смотрит на неё так долго, что Лика начинает тереть кольцо. Потом он поворачивается к Соне, но она не замечает. Всё ещё глядит на отца, будто ждёт, что тот засмеётся и признается в чудовищно глупом розыгрыше.

— Пап, скажи нормально, — просит она. — Что значит «уходит к Лике»?

— То и значит, — отвечаю я.

Антон бросает на меня предупреждающий взгляд, но в нём уже меньше уверенности.

— Ксюша, дай я сам. Соня, у нас с Ликой отношения. Мы любим друг друга. Так получилось, это не было запланировано, и мы долго пытались понять, что делать дальше.

— Четыре месяца, — добавляю я. — Понимали.

— Ты можешь хотя бы сейчас не комментировать каждое слово?

— Могу. Когда начнёшь говорить правду без упаковки.

Соня вздрагивает от нашего тона. Она всегда ненавидела, когда мы ссорились, в детстве даже втискивалась между нами и начинала рассказывать что-нибудь громкое и неважное, лишь бы мы отвлеклись. Сейчас ей двадцать один, а я всё равно на секунду чувствую себя матерью,

которая должна убрать из комнаты всё острое. Только убрать придётся её отца. Или женщину, которую Соня уже полгода в шутку называет второй мамой.

— Ты знала? — спрашивает она у меня.

— Минут двадцать.

— А вы? — Она смотрит на Андрея.

— Столько же.

Андрей отвечает спокойно, и Илья верит сразу. Он садится рядом с Соней и забирает пакет, когда тот начинает сползать с её колен.

В дверь стучат, и входит официант, катя перед собой столик с тремя миниатюрными тортами. Увидев нас, он замедляется, но отступить поздно.

— А вот и сладкая часть дегустации, — произносит он с ненужной бодростью. — Фисташка-малина, солёная карамель и ваниль с маракуйей. Разрезать все?

Официант смотрит на Лику. Она несколько секунд изучает торты, будто выбор начинки всё ещё имеет значение.

— Оставьте, — говорит наконец. — Мы сами.

Он оставляет столик и уходит. На вершине одного торта покачивается шоколадная табличка со словом «вместе».

Соня вдруг сдавленно смеётся, прикрывая рот ладонью, и сразу плачет — смех ломается, слёзы катятся без красивой дрожи на ресницах.

— Мы два часа выбирали кольца, — говорит она Илье, словно оправдывается перед ним за что-то. — А они сидели здесь и ждали, чтобы сообщить, что спят друг с другом.

— Соня! — Антон повышает голос. — Не надо так.

Она вскидывает голову.

— А как надо? «Полюбили»? Тогда не так противно?

— Я твой отец. Следи, пожалуйста, как ты со мной разговариваешь.

— Ты серьёзно сейчас?

Илья кладёт руку ей на спину, но смотрит на Антона.

— Не трогайте её.

— Я пытаюсь объяснить, что мы молчали ради вашей свадьбы.

— Поэтому вы позвали их за двадцать минут до нас? Чтобы они пришли в себя и потом улыбались над тортом?

Лица тянется к сыну, но он отстраняется так резко, что её пальцы замирают в воздухе.

— Мы надеялись, они поймут, — шепчет она. — Хотя бы ради вас.

— Что поймут? Что папа будет ещё месяц возить тебя на работу, а Ксения — обсуждать с ним рассадку гостей? Мам, ты себя слышишь?

— Не кричи на мать, — говорит Антон.

Андрей поднимает взгляд. Его голос звучит негромко, но Антон осекается.

— Ты сейчас не тот человек, который будет учить моего сына разговаривать с его матерью.

— А ты не вмешивайся в мой разговор с дочерью.

— Это уже не только твой разговор. Вы постарались.

Соня вытирает лицо тыльной стороной ладони. Я достаю салфетку, протягиваю ей, и она берёт, но на меня не смотрит.

— Свадьба теперь что? — спрашивает она.

Илья поворачивается к ней. На секунду мне кажется, что он ответит немедленно, как в кино, где любви достаточно, чтобы исчезли родители, гости и двести приглашений. Но его тоже только что ударили. Он ставит белый пакет между ними на стол.

— Я не знаю, — говорит он. — Сонь, я сейчас вообще ничего не понимаю. Только это не ты. Слышишь? Не мы с тобой.

Антон, поймав паузу, снова пробует заговорить — мягче, почти отцовским голосом.
— Ничего не решайте сегодня. Всё оплачено, приглашения разосланы. Мы разберёмся, не втягивая вас.

— Вы уже втянули, — говорит Илья. — Причём до того, как мы вошли в эту дверь.

Он поднимается, складывает в коробку баночки с мёдом. Соня тоже встаёт.

— Я домой, — говорит она.

— Мы вместе приехали, я отвезу, — тут же предлагает Антон.

— Нет.

Он всё-таки тянется за ключами, и Соня отступает от стола.

— Не надо меня никуда везти. И не звони пока. Пожалуйста.

Илья берёт коробки и идёт за ней. Андрей окликает сына:

— За руль не садись, если руки трясутся. Вызови такси.

— Вызову. Напишу, когда будем дома.

Дверь закрывается. Андрей смотрит на Лику, но вместо крика достаёт бумажник, кладёт на стол карту и прижимает её пальцем.

— Закрой счёт, — говорит он. — Организатор ты. У тебя получится.

Андрей уходит, не хлопнув дверью и не предложив мне помощь. Сегодня я не выдержала бы ещё и чужого благородства.

Чемодан Антона лежит на верхней полке шкафа, за двумя зимними одеялами и коробкой с ёлочными игрушками. Я подставляю стул, но он ловит меня за локоть, когда тот опасно качается.

— Слезь. Я сам достану.

— Руку убери.

Антон отпускает. Вместе с чемоданом я стаскиваю пакет, из которого выкатывается пластмассовый Дед Мороз без одной руки. Мы купили его в первый Новый год после свадьбы, а руку он потерял, когда трёхлетняя Соня решила, что Дед Мороз умеет летать. Так и убрали когда-то: не выбросили, потому что смешной, не починили, потому что было некогда.

Я ставлю чемодан на кровать и расстёгиваю молнию.

— Не устраивай спектакль, — говорит Антон у меня за спиной. — Мы оба сейчас не в том состоянии. Я могу переночевать в гостевой, а завтра спокойно поговорим.

— Гостевая — это Сониная комната.

— Соня там не живёт третий год.

— А ты не живёшь здесь с сегодняшнего вечера.

Я снимаю с вешалок его рубашки и укладываю в чемодан вместе с плечиками. Антон морщится, вытаскивает синюю.

— Так всё помнётся.

— У Лику есть отпариватель. Она показывала мне, когда мы обсуждали платье Сони.

Он бросает рубашку обратно.

— Обязательно приплетать её к каждой фразе?

— Нет. Можно молча помнить, что ты уходишь к ней.

— Я сегодня ни к кому не ухожу. Мы договорились не торопиться, пока не пройдёт свадьба.

— Вы договорились. Меня на эту встречу не позвали.

Антон отходит к окну. С улицы тянет мокрым асфальтом, во дворе кто-то безнадежно пытается завести машину. Всё неприлично обычное: мои фиалки, его домашняя футболка, телефон на зарядке. Брак не исчезает после одной фразы в ресторане. Он расползается по

комнатам носками, лекарствами, проводами, общим паролем от интернета; чтобы выгнать его за дверь, приходится собирать тысячи мелочей, которыми он двадцать лет обозначал здесь своё место.

— Это и мой дом, — произносит Антон, всё ещё глядя во двор.

— Нет. Это квартира моей бабушки. Ты прекрасно знаешь.

— Я здесь двадцать лет прожил, делал ремонт, растил дочь. Нельзя вышвырнуть меня за час.

— А сколько часов надо? Дай точную цифру, я поставлю таймер.

— Вот. С тобой всегда так. Если тебе больно, ты стараешься сделать больнее всем вокруг.

Я поворачиваюсь. Он стоит, засунув руки в карманы, усталый, сердитый, очень знакомый. На секунду хочется разглядеть складку у него между бровями, сказать, что мы разберёмся. Это движение живёт в мышцах и ещё не успело узнать новость.

— Всем вокруг — это тебе?

— Соне в первую очередь. Можно было сказать позже, дома, без Ильи и без унижения.

— Тебе не понравилось, как выглядит твой поступок, когда его называют при дочери.

Я иду в ванную за его вещами: зубная щётка, бритва, туалетная вода, таблетки от изжоги. Забираю даже подаренный мной крем, запах которого до сих пор нравится. Не хочу завтра открыть шкафчик и на секунду обрадоваться, что Антон дома.

— Вы предохранялись? — спрашиваю я, вернувшись в спальню.

Он не сразу понимает.

— Ксения, давай хотя бы без грязи.

— Я спрашиваю про своё здоровье. Грязь появилась не в моём вопросе.

— Да, — отвечает он после паузы. — Конечно.

— С ней — да. Со мной — нет. Мне теперь идти сдавать анализы и верить тебе на слово?

— Не надо делать из меня совсем уж...

— Кого? Мужчину, который четыре месяца ложился в две постели и в обеих считал себя порядочным?

— Я не хотел, чтобы так получилось.

— Ты хочешь сказать, четыре месяца нечаянно ходил к ней?

— Мы встречались не только ради секса.

— Спасибо. Это очень утешает.

Антон садится на край кровати. Между нами раскрытый чемодан, будто мы собираем его в командировку.

— Я давно не был счастлив, Ксюш.

Эта фраза попадает точнее остального. Я сразу перебираю последние годы, как фотографии: Турция, дача у друзей, Антон спит в кресле, пока я работаю, и держит ладонь на моей ступне. Счастлив ли он там? А я? Невозможно прожить с человеком двадцать лет и после одной его фразы не усомниться в собственной памяти.

— Тогда почему ты не ушёл раньше?

— Потому что у нас семья. Я надеялся, что наладится. А мы давно живём по расписанию: работа, магазин, сериал. Тебя это устраивало.

— А тебя настолько не устраивало, что ты решил ничего мне не говорить.

— Ты всегда занята, всегда уставшая. Я пытался тебя куда-то вытянуть, ты отказывалась.

— В мае я отказалась от шашлыков, потому что сдавала учебник. В июле предложила взять отпуск после свадьбы, и ты не знал график. Это были попытки спасти брак?

— Дело не в одном отпуске.

— Конечно. Дело в том, что рядом оказалась женщина с отпаривателем и свободными вечерами.

Он встаёт так резко, что чемодан съезжает к середине кровати.

— Хватит оскорблять Лику. Она не виновата, что у нас с тобой всё кончилось.

Он защищает её в нашей спальне, возле шкафа, который мы заказывали после бабушкиной смерти, и просит меня быть справедливой к его любовнице. Боль наконец сменяется ясной злостью.

— Забирай чемодан и уходи.

— Куда? В гостиницу? Ночью?

— Половина десятого. Ты уверял, что Москва никогда не спит. Проверь.

— А если я не уйду?

— Завтра поменяю замок. Квартира моя, Антон. Телевизор, машину, деньги на свадьбу и развод обсудим с юристом.

Он бледнеет, будто до этого развод был декорацией вокруг их любви.

— Обязательно подавать прямо сейчас? Нельзя дождаться, пока Соня выйдет замуж?

— Нельзя. Я двадцать лет была твоей женой. Пять недель изображать её тень не буду.

В прихожей дважды звонят. Антон выходит первым; я застёгиваю чемодан, молния зажёвывает край синей рубашки. Когда выкатываю его в коридор, на пороге уже стоит Соня — с размазанной тушью, в том же лёгком платье и толстовке Ильи поверх.

Она смотрит на чемодан, потом на отца.

— Ты куда?

— Твоя мама решила, что я должен сегодня уйти, — отвечает Антон.

— Не твой отец решил изменить, не Лика решила четыре месяца молчать. Я решила, — говорю я. — Удобно.

— Мам, не начинай, пожалуйста.

Соня проходит два шага и останавливается между нами. Она приехала за ответами, но увидела чемодан и растеряла все вопросы. Передо мной уже не взрослая невеста, которая спорит с подрядчиками, а девочка после школьного спектакля: губы дрожат, и ей нужно, чтобы оба родителя стояли рядом и говорили, что всё хорошо.

— Вы можете хотя бы не разъезжаться сегодня? — спрашивает она. — Просто поспать, успокоиться, а завтра мы все встретимся. Я с Ильёй поговорила. То есть мы пытались... Он сейчас у отца. Давайте утром соберёмся и решим, что делать.

— Соня, я никуда не исчезаю, — говорит Антон, сразу смягчаясь. — Я готов остаться, если мама перестанет рубить с плеча.

Вот оно. Ему хватает одного предложения, чтобы снова поставить меня на привычное место: есть семья, свадьба, растерянная дочь и я с топором, которая почему-то не хочет спокойно постелить мужу в соседней комнате. Соня переводит на меня умоляющий взгляд и обнимает себя за плечи, глубже пряча ладони в рукава чужой толстовки.

— Мам, пожалуйста, только не сейчас. У нас свадьба через пять недель.

Я вижу, как Антон едва заметно выдыхает. Он уверен, что эти слова сработают, потому что раньше работали другие: у Сони экзамены, у мамы давление, завтра рано вставать, давай не сегодня. И я почти сдаюсь — тело уже готово обойти чемодан, поставить чайник, найти дочери чистое полотенце и отложить собственную жизнь до утра. Но за её плечом висит зеркало, и в нём мы отражаемся троём: Соня посередине, Антон чуть позади неё, я напротив. Не семья, а расстановка сил. Я подхожу к дочери, поправляю ворот толстовки и оставляю ладони у неё на плечах, потому что мне важно не оттолкнуть её вместе с ним. «Я не знаю, что будет со свадьбой, — говорю я, чувствуя, какая она холодная под тёплой тканью. — Это решать вам с Ильёй, и завтра мы поговорим столько, сколько понадобится. Но папа сегодня здесь не останется. Если я разрешу ему остаться ради этих пяти недель, вы получите красивые фотографии, а я — пять недель, в которых меня попросят не существовать. Я не прошу тебя понять это прямо сейчас, Сонь. Можешь злиться на меня, можешь плакать, можешь остаться здесь ночевать. Но чемодан папа заберёт».

Глава 3. Не ваша свадьба

Утром на кухне пахнет кофе, хотя я его не варила. Соня сидит у окна в моей старой футболке и смотрит во двор, где Антон вчера тащил чемодан к машине. Одно колесо заедало, он дёргал ручку и всё-таки оглянулся на окна. Сейчас пластмассовый Дед Мороз лежит на кухонном столе между хлебницей и сахарницей. Ночью дочь зачем-то принесла его сюда и положила рядом отломанную руку.

— Ты вообще спала? — спрашиваю я.

— Часа два. Илья написал в пять утра, потом ещё в семь.

Экран успевает погаснуть. Я не спрашиваю, что написал Илья. Вчера после ухода Антона мы до половины второго просидели на кухне. Соня плакала, умывалась, потом спросила, куда отец поехал. Я сказала, что он снял номер неподалёку. Через десять минут она задала тот же вопрос.

— Он не передумал? — спрашивает она сейчас.

— Кто?

— Илья. Насчёт меня.

Я сажусь напротив. Соня машинально налила кофе в тёмно-зелёную кружку Антона, а теперь замечает и отодвигает её.

— Почему он должен передумать насчёт тебя?

— Потому что каждый раз, когда посмотрит на меня, будет вспоминать папу. Или думать, что я тоже когда-нибудь так сделаю. Вдруг у нас это семейное?

— Соня, измена не передаётся по наследству вместе с цветом глаз.

— Ты не знаешь.

— Знаю. Я двадцать один год смотрю на тебя. Ты в пятом классе неделю не спала из-за того, что списала одну задачу по математике, хотя половина класса списала всю контрольную.

Уголок её рта дёргается. Не улыбка, только память о ней.

— Илья написал, что любит меня, — говорит Соня. — А потом мы сорок минут обсуждали, как наши родители умудрились превратить свадьбу в анекдот. Он сказал, что не отменит её из-за них. Я тоже не хочу. Наверное. Только я не представляю, как мы все будем сидеть в одном зале.

— Не все обязаны сидеть рядом.

— Папа будет смотреть на Лику. Она — на него. Ты будешь видеть, как он смотрит. Андрей тоже. А гости начнут спрашивать, почему вы расселись и не танцуете. Тётя Рита спросит первой, она ещё на поминках у прадеда выясняла, кто с кем спит.

— У тёти Риты редкий дар выбирать момент.

Соня всё-таки улыбается, но сразу прикрывает рот ладонью, будто не имеет права. Я беру зелёную кружку и выливаю холодный кофе в раковину. Это мелочь, однако смотреть, как дочь держит вещь Антона, почему-то невыносимо.

— Мам, ты придёшь на свадьбу?

— Конечно.

— Даже если папа придёт?

— Я не отдам ему ещё и твою свадьбу.

Она опускает голову. Вчера Соня просила оставить Антона дома, сегодня ждёт, что я откажусь от её праздника. Наверное, внутри у неё всё ещё существует только два варианта: либо родители снова становятся прежними, либо один исчезает, чтобы второму не было больно. Я тянусь через стол и накрываю её ладонь.

— Тебе не нужно выбирать между нами. И не нужно защищать меня от каждого взгляда. Я сама разберусь, где могу находиться, а где нет.

— Я вчера сказала тебе оставить его. После того, что он сделал.

— Ты испугалась.

— И всё равно.

— И всё равно ты моя дочь, а не судья в бракоразводном процессе. Оставим должность свободной, у нас ещё будет юрист.

Она сжимает мои пальцы. Телефон на столе вибрирует, появляется сообщение от Ильи: «В двенадцать у нас. Все согласились». Следом приходит второе: «Если кто-то начнёт орать, я его выставлю».

— Папу тоже? — спрашиваю я.

Соня читает, быстро печатает ответ. Через несколько секунд телефон снова дрожит.

— Особенно папу, — говорит она и впервые за утро улыбается по-настоящему.

В съёмной квартире Сони и Ильи всего четыре стула. Два остальных они принесли от соседей: складной и деревянный, слишком низкий для стола. Антон приходит раньше нас и занимает обычный. На нём вчерашние брюки и свежая белая рубашка, купленная, видимо, по дороге из гостиницы. Лика появляется последней, с папкой договоров и в тёмных очках, хотя день пасмурный. Глаза опухшие, волосы собраны в гладкий хвост; даже после бессонной ночи она выглядит так, будто скоро должна встречать заказчиков.

Илья не предлагает ей снять пальто. Берёт папку из рук и кладёт на подоконник.

— Я сама всё принесу, — говорит Лика, когда он уходит.

— Ты уже принесла.

Она ищет взглядом Андрея, но он пропускает меня вперёд и на жену не смотрит. Лике достаётся низкий деревянный стул. Антон приподнимается, готовый уступить свой, и тут же садится обратно, заметив лицо Сони.

За столом уже стоят чайник, шесть чашек и тарелка с бутербродами. Никто к ним не притрагивается. Соня садится рядом с Ильёй. Я оказываюсь напротив Антона, Андрей — напротив Лики. Такую рассадку дети явно продумали заранее.

— Мы решили свадьбу не отменять, — начинает Соня.

Антон шумно выдыхает. Лика закрывает глаза и прижимает ладонь к груди.

— Слава богу. Сонечка, это правильно. Вы не должны из-за нас...

— Я не договорила.

Дочь произносит это без крика, но Антон замолкает. Илья подвигает к ней стакан воды. У них уже появился свой способ держаться: он следит, чтобы она пила, она незаметно касается его колена под столом, когда напрягаются мышцы у него на лице.

— Мы не отменяем свадьбу не ради вас, — продолжает Соня. — И не потому, что поверили, будто ваши отношения ничего не меняют. Просто это наша свадьба. Мы готовились к ней почти год и не хотим, чтобы потом всю жизнь датой вашего романа был ещё и день, когда мы всё отменили.

— Разумно, — говорит Антон. — Я именно это вчера пытался объяснить.

— Нет, — Илья поворачивается к нему. — Вы объясняли, что они должны пять недель жить как раньше, чтобы вам было удобнее. Мы решили другое.

Лика расстёгивает верхнюю пуговицу пальто. В квартире тепло, но снимать его она, кажется, уже не собирается.

— Хорошо. Мы готовы принять ваши условия.

— Ты их ещё не слышала, мам.

— Я понимаю, что вы злитесь.

— Не надо заранее называть всё злостью, — говорит Илья. — Так получается, будто мы сейчас наговорим лишнего, а потом остынем и извинимся.

Ли́ка поджимает губы. Андрей берёт чашку, заглядывает внутрь и ставит обратно — она пустая.

— Во-первых, подготовкой ты больше не занимаешься, — говорит Соня. — Вообще. Все договоры, контакты и переписки остаются у нас. Координатора на день свадьбы наймём через площадку.

— Соня, до свадьбы тридцать четыре дня. Хороший координатор не возьмёт чужой проект за месяц, а сотрудники площадки не знают половины нюансов. Я могу довести всё до конца и не вмешиваться ни во что другое.

— Ты как раз умеешь вмешиваться так, чтобы никто не заметил.

Ли́ка дёргается, словно Соня ударила её по руке. Антон тут же подаётся вперёд.

— Не унижай её. Ли́ка действительно вложила в вашу свадьбу массу сил.

— И четыре месяца спала с тобой между встречами с флористом и примеркой моего платья, — отвечает Соня. — Поэтому я не хочу получать от неё сообщения про свечи и салфетки. Мне от её имени плохо. Это достаточно веская причина?

Антон открывает рот, но я качаю головой. Не ради него — ради дочери. Ей не нужно ещё раз доказывать право не общаться с женщиной, которая пока юридически остаётся матерью её жениха.

— Координатора оплачу я, — говорит Андрей.

Ли́ка наконец снимает пальто и вешает его на спинку. Под ним чёрное платье, строгое и закрытое, словно она пришла на похороны.

— Не надо демонстративных жестов. Я сама оплачу, если Соня не хочет моей помощи.

— Это не жест. Ты свою часть уже перевела. Остальное я решу сам.

Впервые Ли́ка смотрит на него не с жалостью, а с тревогой. Возможно, только сейчас замечает: молчаливый муж не то же самое, что муж, согласный на всё.

— Деньги мы не забираем, — быстро говорит Антон. — Всё, что обещали, остаётся. И банкет, и поездка. Я вчера это сказал.

— Деньги не дают вам права решать, как пройдёт свадьба, — отвечает Илья. — Если из-за условий захотите отказаться, говорите сейчас. Мы уменьшим количество гостей, отменим поездку, распишемся вдвоём. Но потом никто не скажет, что оплатил себе место рядом с тем, с кем изменял.

— Никто не собирается сидеть рядом, — раздражённо бросает Антон.

— Тогда переходим к этому, — Соня складывает ладони на столе. — Вы с Ликой приезжаете отдельно и сидите за разными столами. Не ищите пять минут поговорить в коридоре, не уходите вместе, не прикасаетесь друг к другу. Я не хочу весь вечер следить, где вы и чем занимаетесь.

— Мы взрослые люди, — говорит Ли́ка. — В состоянии вести себя сдержанно без подробной инструкции.

— Вчера вы просили наших супругов изображать счастливые браки, — впервые вступает Андрей. — Инструкция не помешает.

Антон смотрит на него поверх стола.

— Тебе нравится всё это? Устраивать суд, диктовать, кому куда смотреть?

— Нет. Мне вообще мало что нравится со вчерашнего вечера.

Андрей отвечает ровно, но большой палец у него медленно трёт край ремешка часов. Вчера я видела белые костяшки, сегодня — это движение. Наверное, за двадцать лет каждый учится прятать ярость по-своему. Я, например, складываю чужие рубашки в чемодан.

— На фотографиях каждый снимается с теми, с кем захочет, — продолжает Соня. — Общего семейного портрета не будет. И танца родителей тоже. Мы с Ильёй решим, кому дать слово. Пожалуйста, не готовьте никаких речей про крепкую семью и любовь на всю жизнь.

Последняя фраза всё-таки ломает ей голос. Илья накрывает её руку своей.

— Сонь, — тихо говорит Антон. — Я люблю тебя. То, что произошло между мной и твоей мамой, не отменяет этого.

— Я знаю. Но ты ведь любил и маму. По крайней мере, говорил. Сейчас мне не очень помогают твои слова.

Он откидывается на спинку. Белая рубашка возле воротника уже помялась, на щеке проступила красная полоса — видимо, брился в гостинице чужим станком или слишком торопился. Я замечаю это автоматически и злюсь на себя. Человек может разрушить привычную жизнь за один вечер, а жена всё равно увидит, что он плохо выбрит.

— О гостях, — говорит Илья, когда тишина затягивается. — Мы не будем собирать родственников и объявлять, что случилось. Не хотим обсуждать это с двумя сотнями человек. Но Ксения и папа не обязаны врать. Если кто-то спросит напрямую, почему они пришли без вас или почему вы сидите отдельно, они могут отвечать как считают нужным.

— То есть вы даёте им право устроить скандал на свадьбе? — спрашивает Лика.

— Им не нужно наше право, — отвечает Соня. — И я не верю, что мама или Андрей станут бегать между столами с новостями. Это вы вчера решили, что им нельзя доверять.

Лика поворачивается ко мне.

— Ксюша, ты же понимаешь, что будет, если узнают родственники? Бабушки, друзья детей... Все начнут обсуждать не свадьбу.

— Я не собираюсь делать объявление в микрофон. Но если тётя Рита спросит, почему мой муж ест горячее через три стола от меня и смотрит на мать жениха, я не стану рассказывать ей про срочную командировку.

Соня тихо фыркает и опускает глаза. Антон замечает.

— Вам смешно?

— Нет, пап. Мне настолько не смешно, что иногда получается вот так.

Он проводит ладонью по столу, собирая невидимые крошки. Потом кивает — один раз, тяжело.

— Хорошо. Я согласен. Приеду отдельно, сяду куда посадите, говорить без разрешения не буду. Только не вычёркивай меня совсем, Соня. Я должен вести тебя к жениху.

Дочь смотрит на него. Вчера в ресторане она отступала, когда он тянулся за ключами. Сейчас в её лице нет отвращения, только усталость и та страшная взрослая растерянность, которая появляется, когда родители внезапно перестают быть надёжнее тебя.

— Я пока не знаю, кто меня поведёт. Может, пойду сама.

Антон бледнеет сильнее, чем когда я сказала про юриста.

— Ты всегда хотела, чтобы это сделал я.

— Вчера я много чего хотела.

Я отвожу взгляд. Можно ненавидеть его за то, что он сделал, и всё равно видеть, куда попали слова дочери. В этом, наверное, и состоит худшая часть семьи: боль не распределяется между виноватыми по справедливости. Она летит куда получится.

— Мы всё сказали, — Илья закрывает папку и придвигает к себе. — Сегодня я напишу всем подрядчикам. Если понадобятся пароли или подтверждение оплаты, мама пришлёт. Только письмом, без звонков Соне.

— А мне можно звонить собственной дочери? — спрашивает Антон.

Соня трёт виски.

— Не сегодня. Завтра напиши. Если не отвечу, не звони с другого номера и не приезжай. Мне нужно несколько дней.

— Несколько дней до свадьбы, которой и так через месяц.

— Не произноси больше «до свадьбы», — говорит она. — И «ради вас» тоже. Вы оба. Я не хочу слышать, что вы обманывали нас ради нас. Делайте со своей жизнью что хотите, только не дарите это мне.

Лика опускает голову. Антон больше не спорит. В комнате становится слышно, как за стеной соседский ребёнок повторяет гаммы: одну и ту же короткую последовательность, снова и снова, каждый раз ошибаясь на последней ноте.

Антон уходит первым. Лика задерживается в прихожей, пытается обнять Илью, но он держит перед собой папку с договорами, и она касается только картонного края. Андрей наблюдает с кухни, не вмешиваясь. Потом Лика обувается, выходит на площадку и замирает возле лифта: Антон всё ещё там, ждёт кабину. Они стоят в двух шагах друг от друга и не разговаривают, однако молчание у них общее, интимное. Илья видит это из дверей и закрывает замок раньше, чем лифт приезжает.

Соня просит меня остаться, но я отказываюсь. Ей нужно побыть с Ильёй без четырёх родителей, даже если двое из них сегодня старались вести себя прилично. Андрей выходит следом. На лестничной площадке он останавливается, достаёт телефон и несколько секунд смотрит на экран.

— Лика прислала мне контакт координатора площадки, — говорит он. — Написала, что у неё всё под контролем.

— Удивительно успокаивающая фраза после вчерашнего.

— Я тоже оценил.

Его губы чуть двигаются, но улыбка не получается. Телефон в моей сумке вибрирует. Соня добавляет меня в группу с названием «Свадьба. Тридцать четыре дня». В ней уже есть Илья и Андрей. Через несколько секунд появляется сообщение: «Простите, что втягиваем. Нам нужна помощь только с координатором и тортом. Остальное сделаем сами».

— Нас повысили, — говорю я, показывая экран.

— Похоже на дисциплинарное взыскание.

— Вы можете отказаться.

— Вы тоже.

Мы смотрим друг на друга. Вчера Андрей был для меня просто отцом жениха, которому досталась такая же новость. Сегодня я знаю, что он трёт ремешок часов, когда злится, следит, чтобы сын не сел за руль с дрожащими руками, и не утешает, когда его не просят. Я пишу Соне: «С тортом помогу». Рядом почти сразу появляется ответ Андрея: «С координатором тоже». Он спрашивает, удобно ли мне в среду после работы. Я киваю, хотя ещё вчера собиралась провести этот вечер с мужем и сериалом, а сегодня назначаю встречу с мужем его любовницы, чтобы выбрать свадебный торт нашим детям. У жизни очень грубое чувство юмора, и тридцать четыре дня до свадьбы уже начались.

Глава 4. Три начинки

К половине седьмого дождь превращается в серую стену, а зонт остаётся в редакции, под моим стулом. От метро я бегу вдоль мокрой ограды, прикрывая сумку папкой, где шестиклассникам объясняют, что семья строится на взаимном уважении, доверии и общей ответственности. Сегодня этот абзац попадался мне четырежды. На полях я написала: «Избегать повторов» — единственное замечание, которое смогла оставить без злобы.

Андрей ждёт под навесом в тёмно-синей рубашке и куртке с железнодорожной эмблемой. Видимо, приехал с работы. В одной руке бумажный стакан, в другой — чёрный зонт.

— Вы давно здесь? — спрашиваю я, отряхивая мокрые рукава.

— Семь минут. Я пришёл раньше, вы не опоздали.

— Звучит так, будто вы привыкли оправдывать людей за нарушение графика.

— На работе — нет. Там семь минут иногда дорого стоят. А здесь я пока не понял тариф. Он протягивает мне стакан. Я беру машинально и только потом смотрю на крышку.

— Это мне?

— Чай. Увидел, как вы бежите от метро. Если не пьёте, выброшу.

— Пью. Просто не ожидала.

— Я тоже много чего не ожидал на этой неделе.

Неловкость становится терпимее. Чай обжигает язык и пахнет дешёвым бергамотом. Андрей держит зонт так, что мне достаётся большая часть, а сам промокает по левому плечу. Я не двигаюсь ближе: нас три дня назад сделали родственниками нового вида, но помещаться под одним зонтом мы пока не обязаны.

Координатора зовут Катя. Ей около тридцати, в руках планшет, и она явно ожидала увидеть Лику. Это выдаёт пауза после наших фамилий.

— Вероника предупредила, что передаёт проект семье, — говорит она, ведя нас по коридору. — Но я думала, она всё равно будет на встрече. У нас много изменений, которые нужно согласовать с ответственным лицом.

— Ответственные лица теперь мы, — отвечает Андрей.

Нас проводят не в тот зал, где всё произошло, а в кабинет за кухней: стол, три серых стула, принтер и пробковая доска с планами свадеб. На одном листе крупно написано: «Лаврова — Белов». Моя фамилия рядом с его выглядит странно, хотя речь о детях.

Катя открывает схему зала.

— Начнём с рассадки. Вероника просила оставить центральный семейный стол на шесть человек: молодожёны и родители. Но в письме Андрей написал, что родительский стол нужно убрать. Правильно?

— Правильно, — говорим мы одновременно.

— Тогда мне нужно понять, кого и куда пересаживаем. Стол невесты сейчас здесь: родители, бабушка, крёстная с супругом. Со стороны жениха — та же схема. Если убрать вас от детей, можно вернуть родителей каждый к своей семье.

Она двигает прямоугольники с нашими именами. «Ксения + Антон» склеены в один блок, «Андрей + Вероника» — в другой. Катя касается моего, и мы с Антоном послушно плывём к столу номер два.

— Нас нужно разделить, — говорю я.

Её палец замирает.

— Извините?

— Антон не должен сидеть со мной. И Вероника — с Андреем. При этом Антон и Вероника тоже не должны оказаться рядом.

Катя смотрит на схему, потом на нас, быстро складывая в уме четыре фамилии и две семьи.

— Поняла. Состав семьи изменился?

— Официально ещё нет, — отвечаю я. — Пожелания к рассадке — да.

Андрей кашляет в кулак, пряча реакцию. Меня оставляют с бабушкой Сони и крёстной, Антона отправляют к его сестре, Андрея — к Ильину деду, Лику — к её коллегам. Между Антоном и Ликой получаются два стола, колонна и декоративная арка.

— Так достаточно далеко? — спрашивает Катя.

— Если арка выдержит, — говорит Андрей.

Я делаю глоток уже остывающего чая и смотрю в стакан, чтобы координатор не заметила улыбку.

В тайминге на восемнадцать сорок пять стоит «Танец Сони с папой», на девятнадцать десять — «Слово родителей. Семейная история». Возле второго пункта пометка Лики: «Совместно, тепло, без затяжных тостов».

— Это убираем, — говорит Андрей, наклоняясь к экрану.

— Какой именно пункт?

— Семейную историю. Насчёт танца Соня ещё не решила.

— Но ролик уже почти смонтирован. Вероника передала фотографии обеих семей, там детство жениха и невесты, ваши свадьбы, первые дни рождения...

Катя показывает раскадровку: Соня в роддоме у меня на руках, Илья на плечах у Андрея, потом две наши свадьбы. На моей Антон целует меня в висок. На другой Лика смеётся, запрокинув голову, а Андрей смотрит на неё так, будто за кадром ничего не существует.

Он протягивает руку и гасит экран.

— Ролика не будет.

— Я могу попросить монтажёра оставить только детей.

— Спросите Соню и Илью, — говорю я. Голос звучит ровно, хотя фотография уже сидит где-то под рёбрами. — Если захотят, пусть будет про них. Наши свадьбы в качестве примера семейного счастья лучше убрать.

На полях экрана десятки жёлтых комментариев Лики. Свет приглушить на десять процентов. Салфетки сложить свободным узлом. Диджею не произносить слово «молодые» чаще трёх раз. Даже измену она встроила в безусловно организованное событие.

— Мне понадобится письменное подтверждение Вероники, что она передала вам право вносить изменения, — говорит Катя, когда мы заканчиваем. — Часть договоров оформлена на неё. Без письма я могу исправить рассадку в рабочем файле, но отправить подрядчикам не смогу.

— Она сказала, что всё передала, — Андрей достаёт телефон.

— Вчера прислала только мои контакты. Возможно, не успела.

Он пишет Лике короткое сообщение и кладёт телефон экраном вниз. Через несколько секунд тот начинает звонить. Имя не видно, но и так понятно. Андрей сбрасывает вызов. Почти сразу приходит сообщение.

— Пишет, что хочет обсудить лично, — говорит он.

— Не здесь, надеюсь.

— Она в холле.

Катя смотрит на дверь. У меня снова немеют пальцы. Три дня назад Лика сообщила, что любит моего мужа. Сегодня приходит проверить, правильно ли мы без неё двигаем прямоугольники на схеме.

Дверь открывается после короткого стука. Лика входит в бежевом брючном костюме, с гладко уложенными волосами и папкой, похожей на ту, которую Илья оставил у себя. Видимо, копий у неё больше, чем мы думали.

— Я на минуту, — говорит она, не глядя на меня. — Катюша, прости, произошла путаница. Я не отказываюсь от проекта, просто дети сейчас на эмоциях. Все рабочие вопросы по-прежнему можно присылать мне.

— Нет, — отвечает Андрей.

Ли́ка наконец смотрит на него.

— Мы можем поговорить без посторонних?

— Здесь нет посторонних. Есть координатор, ответственная за площадку, и Ксения, мать невесты.

— Я не собираюсь обсуждать наши отношения при Ксении.

— А отношения с её мужем ты собиралась обсуждать после свадьбы. Теперь придётся немного изменить график.

Катя опускает глаза в планшет, явно мечтая оказаться на любой другой свадьбе с пробковой доски.

— Андрей, я понимаю, что ты злишься, — тихо говорит Ли́ка. — Но здесь работа. Если сейчас всё передать человеку, который не знает проект, пострадают Соня и Илья.

— Ты им это уже сказала. Они ответили.

— Илья не отвечает мне третий день.

— Он просил дать ему время.

— Ты настраиваешь его против меня?

Андрей медленно снимает часы и кладёт рядом с телефоном. Я уже знаю, что ремешок он трёт, когда удерживает злость. Видимо, сейчас решил убрать сам предмет.

— В воскресенье наш сын выставил условия при всех шестерых. Тебе не понадобилась моя помощь, чтобы их услышать. Передай Кате права на проект и перестань приезжать без приглашения.

Ли́ка поворачивается ко мне, и на секунду в её лице появляется прежняя мягкость. Та самая, с которой она поправляла фату Сони на примерке и советовала мне пудру без блеска.

— Ксюша, ты же видишь, он делает это назло мне. Вы оба сейчас думаете не о детях.

— Я три дня думаю почти только о детях. Очень утомляет, когда ими прикрываются люди, которые ни о чём их не спросили.

— Я не прикрываюсь.

— Тогда просто напиши письмо.

Ли́ка сжимает папку, потом садится и несколько минут печатает. За стеной звенит посуда, повар кричит, что соус опять расслоился. Катя читает письмо, просит добавить формулировку и получает второй вариант.

— Теперь достаточно.

Ли́ка встаёт. Возле двери задерживается, будто ждёт, что Андрей всё-таки пойдёт за ней или хотя бы посмотрит. Он надевает часы и спрашивает Катю, где находится кондитерская. Ли́ка уходит молча.

— У вас очень сложная неделя, — произносит координатор, когда дверь закрывается.

— Сегодня только среда, — отвечаю я.

В соседней кондитерской пахнет ванилью и влажным картоном, а торты на витрине настолько белые и ровные, что их трудно представить съедобными. Нам приносят три тарелки: фисташка-малина, солёная карамель, ваниль-маракуйя.

Первый я узнаю сразу. Такой же стоял в ресторане, когда Соня плакала над пакетом с кольцами. Внутри поднимается тошнота — нелепая, почти обидная. Торт ни при чём. Он просто зелёный бисквит с розовым слоем, но тело уже запомнило.

Андрей берёт вилку, замечает, куда я смотрю, и поворачивает тарелку.

— Начнём с карамели.

— Вы тоже помните?

— Шоколадную табличку со словом «вместе» трудно забыть.

Он отрезает уголок коричневого кусочка. Я пробую свой. Крем сладкий, между слоями хрустит что-то солёное, карамель липнет к нёбу.

— Слишком сладко, — говорим мы одновременно.

На этот раз Андрей всё-таки улыбается. У него меняется лицо — не становится моложе или красивее, просто перестаёт быть закрытым. Улыбка короткая и чуть кривая, словно он давно ею не пользовался.

— Значит, один вариант исключили, — говорит он. — Уже продуктивнее, чем предыдущая дегустация.

— Там мы тоже кое-что исключили.

— Двух супругов?

— Пока только из квартир и родительского стола.

Он опускает вилку. Шутка вышла жёстче, чем я хотела, но извиняться за неё не хочется.

— Лика забрала вещи? — спрашиваю я.

— Самое необходимое. Остальное обещала вывезти в выходные, когда меня не будет дома. У нас квартира куплена в браке, поэтому выставить чемодан в коридор я не могу.

— Зато я могу. Бабушка позаботилась, сама того не зная.

— Вы поменяли замок?

— В понедельник. Антон написал, что это мелочно. Потом попросил достать из шкафа серый костюм на свадьбу.

Андрей смотрит на меня, и в его глазах появляется то же недоверие к реальности, которое я чувствую третий день.

— Лика утром прислала список коробок, которые нужно не трогать до свадьбы. Там её туфли, украшения и отпариватель.

— Отпариватель ей особенно понадобится. Рубашки Антона теперь мятые.

Он тихо смеётся — первый нормальный звук за весь вечер. За соседним столом женщина оборачивается, и Андрей сразу становится серьёзным, будто нарушил правило, о котором забыл. Я отламываю кусочек ванильного бисквита. Маракуйя оказывается кислой, почти резкой, зато после карамели это приятно.

— Они так и живут в разных гостиницах? — спрашивает Андрей.

— Антон уверяет, что не хочет давить на Соню. А Лика?

— Не хочет давить на Илью.

— Большая любовь с отдельным проживанием и поздним выездом.

— Им, наверное, привычнее встречаться по расписанию.

Мы замолкаем. Я вспоминаю, как Антон задерживался по четвергам, возвращался с бутылкой вина и жаловался на пробки. Лика, вероятно, рассказывала Андрею про подрядчиков. Они построили две аккуратные жизни, из которых вынимали по несколько часов, а мы помогали им, не задавая вопросов.

— Я всё пытаюсь найти день, когда должен был понять, — говорит Андрей, глядя в окно. Дождь стекает по стеклу, и его отражение расплывается. — Лика сказала, что мы давно были соседями. Теперь вспоминаю каждый вечер, когда она садилась рядом, каждый разговор. Проверяю, был ли я уже соседом, а она забыла сообщить.

— Антон назвал наш брак привычкой. Вчера прислал сообщение: «Не забудь оплатить интернет, он на твоей карте». Видимо, привычка пока действует.

— У нас электричество на Лике.

— Похоже, развод начинается не с юриста, а с личного кабинета коммунальных услуг.

— Юрист у меня завтра. Но пароль от электричества действительно пугает сильнее.

Я поднимаю взгляд.

— У меня в пятницу.

— Значит, мы действуем по одному графику.

— Только не говорите Кате. Она внесёт в тайминг.

Андрей улыбается уже не так осторожно. Я замечаю у него на подбородке светлый шрам: раньше ни разу не смотрела на его лицо достаточно долго. Между нами стоят три тарелки и знание, которое не делает нас близкими, но избавляет от необходимости выбирать приличные слова.

К столу подходит кондитер — полная женщина в белом кителе, с карандашом за ухом.

— Определились? Фисташка-малина у нас самая популярная, её Вероника и бронировала предварительно.

Я смотрю на зелёный кусок, к которому мы так и не прикоснулись.

— Нет, — говорит Андрей. — Давайте ваниль с маракуйей.

— Согласна, — отвечаю я. — Только крем можно чуть менее сладкий?

Кондитер записывает пожелание, спрашивает про вес и украшение. Мы выбираем простой белый торт без шоколадных слов, с живыми цветами, которые согласует Соня. Остатки нам складывают в две коробки. Андрей забирает обе, пока я надеваю плащ.

— Одну отдайте, — говорю я.

— На улице ливень, у вас нет зонта.

— Зато две руки.

— Они понадобятся, чтобы держаться за зонт. Я донесу до метро, там разделим имущество.

— После сегодняшнего слово «имущество» лучше использовать осторожно.

— Хорошо. Разделим торт до суда.

Мы выходим под дождь. Теперь зонт Андрей держит ровнее, и плечо у него остаётся сухим. Я тоже не прижимаюсь к самому краю, чтобы между нами обязательно помещался ещё один человек. Идти всего семь минут. Мы обсуждаем не супругов, а диаметр нижнего яруса, количество гостей и то, сможет ли Соня спокойно смотреть на фисташковый крем. Возле метро Андрей отдаёт мне коробку, и в этот момент телефон в сумке вибрирует.

Антон пишет: «Завтра после работы заеду за костюмом. Нам надо поговорить вдвоём. Без детей и Белова».

Я перечитываю последнее слово. Не «без посторонних», не «без свидетелей» — без Белова, будто Андрей уже занял в моей жизни какое-то место, которое Антон заметил раньше меня. Рядом Андрей пытается закрыть мокрый зонт, кнопка заедает, и он борется с ней обеими руками, совсем не похожий на опасность для чужого брака. Я ничего ему не показываю, прощаюсь и спускаюсь в метро. В вагоне коробка лежит у меня на коленях, телефон продолжает светиться требованием мужа, а в свадебной группе появляется фотография выбранного торта и сообщение Сони: «Красивый. Спасибо вам». Я отвечаю дочери, что крем будет менее сладким. Антону не отвечаю вовсе — по крайней мере, до тех пор, пока поезд не уходит в тоннель и связь не исчезает сама.

Глава 5. Серый костюм

Серый костюм висит на дверце шкафа с самого утра, и весь день, пока я правлю главу про дробь и спорю с автором из-за запятой после «однако», я вспоминаю, что дома меня ждёт мужская одежда без мужа. Антон покупал его к Сониному выпускному. Я тогда плакала у него на плече и оставила пудру на лацкане, а перед химчисткой долго выводила пятно. Сейчас на ткани ничего нет, только прозрачный чехол шуршит каждый раз, когда я прохожу мимо.

В семь часов Антон присылает: «Я внизу». Я отвечаю: «Поднимайся». Через несколько минут в замке скребёт ключ, затем ручка дёргается с раздражением, которое я узнаю даже через дверь. Он всё-таки надеялся, что я только пригрозила сменить личинку или что его ключ каким-нибудь супружеским правом подойдёт к новому замку.

Я открываю не сразу. Он стоит на площадке в тёмном пальто, с рабочей сумкой через плечо и старым ключом в руке. За его спиной медленно закрывается дверь лифта.

— Ты могла предупредить, что действительно поменяла замок.

— Я предупредила. Ты назвал это мелочностью.

— Я не думал, что ты успеешь в первый же день.

— Мастер оказался свободен.

Антон смотрит на меня так, словно свободный мастер был частью плана мести, затем делает шаг вперёд, не спрашивая, можно ли войти. Я отступаю скорее от привычки, чем из гостеприимства. На знакомом крючке висит мой плащ, и его пальто приходится оставить на стуле.

— Костюм в спальне, — говорю я. — Рубашку и галстук положила на кровать. Запонки в кармане чехла.

— Можно сначала поговорить?

— Ты за этим приехал.

Он проходит на кухню, оглядывает стол с одной чашкой и открывает холодильник. Я успеваю удивиться раньше, чем рассердиться.

— Ты голодный?

— Хотел воды.

— Она в кране. Ты оттуда пил двадцать лет.

Он закрывает холодильник, но замечает белую коробку.

— Это тот торт?

— Остатки дегустации.

— Соня написала, что вы всё выбрали.

Слово «вы» он произносит с короткой паузой. Я ставлю возле фильтра стакан.

— Выбрали. Ваниль с маракуйей. Кондитер всё пришлёт Соне на согласование.

— Быстро вы с Беловым сработались.

— У нас была задача выбрать торт, а не запустить космический аппарат.

— Я не только про торт, Ксень.

От домашнего сокращения имени становится неприятно. Так Антон напоминает, что знает меня дольше остальных и потому может говорить тише, подходить ближе, открывать холодильник. Я сажусь напротив, но чай не предлагаю. На его безымянном пальце кольцо — не доказательство брака, а часть одежды, которую он забыл снять.

— Лика рассказала, что вчера произошло на площадке, — начинает Антон. — Белов её выставил перед координатором, даже разговаривать не стал. И ты его поддержала.

— Не «выставил». Она приехала без приглашения и пыталась вернуть себе организацию свадьбы после того, как дети попросили её не вмешиваться.

— Она готовила эту свадьбу почти год. Там десятки договоров, подрядчики, деньги. Нельзя просто вычеркнуть человека из проекта.

— Из брака, значит, можно, а из проекта — нельзя?

Антон ставит стакан слишком резко, вода выплёскивается на стол. Я подаю тряпку. Он вытирает лужу привычным движением, каким всегда стирал крошки после завтрака. Только раньше он не говорил о Лике с обидой за неё и уверенностью, что я обязана эту обиду понять.

— Я никого не вычёркивал, — говорит он. — Мы с Ликой совершили ошибку в том, как всё сообщили. Я это признаю.

— Вы сообщили не в том ресторане?

— Не передёргивай. Надо было раньше, отдельно, без Андрея. И не просить вас сразу принять решение насчёт свадьбы. Но то, что между нами, — не ошибка.

— Четыре месяца лжи — это способ сообщения?

— Я пришёл не оправдываться. Хотел попросить о перемирии до свадьбы. Без новых сцен, без того, чтобы вы с Андреем принимали решения за всех и устраивали показательное наказание.

— Условия поставили Соня и Илья. Мы выполнили ровно то, о чём они попросили.

— Они сейчас на эмоциях.

— А вы с Ликой — на чём?

— Ксения, я серьёзно. Соня не должна каждый день думать, кто кому что сказал и кого куда не пустили. Ей надо спокойно готовиться.

— Согласна. Поэтому Лика больше не занимается подготовкой, а ты приезжаешь только за костюмом. Очень спокойная схема.

Он сжимает губы. Обычно после этого я останавливала спор, через полчаса спрашивала, будет ли он чай, и мы возвращались к жизни, не договорив. Сейчас убирать нечего, а возвращаться некуда.

— Ты всегда умела выбрать фразу, после которой нормальный разговор невозможен, — произносит он.

— Нет. Раньше я чаще оставляла её при себе.

Антон рассматривает меня так, будто обнаружил под своей крышей незнакомую женщину и пытается понять, давно ли она здесь живёт.

— Ты завтра идёшь к юристу?

— Иду.

— Не подавай до свадьбы.

— Почему?

— Потому что пять недель ничего не изменят, а детям будет легче. Им не нужны ещё суды и бумаги.

— Свадьба через тридцать три дня. Ты предлагаешь всё это время оставаться моим мужем и строить жизнь с Ликой?

— Мы пока ничего не строим. Я живу в гостинице, она тоже.

— Тогда тем более не понимаю, что именно я должна сохранить.

— Не надо делать вид, будто фамилия в паспорте для тебя важнее Сони.

Он говорит это спокойно, и оттого удар получается точнее. Антон знает, каким словом заставить меня отступить: двадцать лет рядом — подробная инструкция. Раньше я считала, что эти знания нужны, чтобы беречь друг друга.

— Не прикрывайся Соней, — говорю я. — Ты уже сделал это в ресторане, когда попросил нас молчать ради её свадьбы. Второй раз не работает.

— А Андрей чем прикрывается? Ильёй? Очень удобно: забрать у Лики всё, что она делала, посадить её за дальний стол и ходить с тобой по кондитерским.

— Андрей выполняет просьбу сына.

— Он провожал тебя вчера?

— До метро. Был ливень, у него был зонт.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Ничего. Просто вы очень быстро нашли общий язык.

— Нас познакомили супруги. Общая тема появилась сама.

Антон споласкивает стакан и ставит на сушилку. Он ревнует не к Андрею — пока даже не представляет меня женщиной, которая может кому-то понравиться. Его раздражает свидетель, перед которым нельзя объяснить всё усталостью и привычкой, и то, что рядом с этим свидетелем я принимаю решения, которых муж от меня не ждал.

— Если бы я четыре месяца встречалась с Андреем, ты бы тоже попросил меня не торопиться с разводом до свадьбы? — спрашиваю я.

Антон оборачивается.

— При чём здесь это?

— Представь: по четвергам я якобы задерживаюсь в редакции, а сама еду к нему. Потом сообщаю, что наш брак давно был привычкой. Ты бы оставил мне ключ до свадьбы?

— Ты специально делаешь это грязным.

— Я просто поменяла имена.

— У нас с Ликой не так.

— Конечно. У вас любовь. А в моём варианте почему-то сразу грязь.

Он проводит ладонью по лицу и садится на край стула, готовый уйти. Я знаю о нём всё до смешного — какой сыр он считает несъедобным, где на ладони шрам, — и всё-таки не понимаю человека напротив.

— Я не хочу превращаться во врага, Ксень, — говорит он уже тише. — Мы прожили столько лет. У нас дочь, общие друзья, деньги, вещи. Давай хотя бы разойдёмся по-человечески.

— Ты уже разошёлся. Я просто узнала последней.

— Это неправда.

— Андрей узнал одновременно со мной, дети — через десять минут. Лика знала четыре месяца. Значит, последней была я, просто место разделила с её мужем.

Антон опускает голову. Я жду «прости», а он произносит:

— Я боялся тебе сказать.

В этой фразе впервые нет защиты Лики, свадьбы или детей. Только его страх.

— Почему?

— Потому что знал: ты не устроишь скандал, не выбросишь вещи с балкона. Просто посмотришь вот так и закроешь дверь. Навсегда.

— И поэтому решил пользоваться открытой, пока можно?

Он кивает не сразу, и другого ответа я не получаю.

— Костюм в спальне, — повторяю я. — Забери и отдай ключ.

Антон идёт в спальню и возвращается с костюмом и рубашкой.

— Галстук ты положила синий?

— Тот, который выбрала Соня.

Я замечаю, что у рубашки не застёгнута верхняя пуговица, и едва не тянусь поправить. Рука остаётся на столе.

— Запонки с инициалами я не просил, — говорит Антон, проверив карман.

— Они твои.

— Ты подарила их на пятнадцать лет.

— Поэтому они не стали моими.

В чехол я положила ещё ремень и новые носки, купленные до ресторана. Антон замечает упаковку, но ничего не говорит: благодарить сейчас было бы хуже.

Возле двери он надевает пальто, прижимая костюм плечом к стене. Потом достаёт из кармана старый ключ и кладёт на тумбу. Рядом лежит мелочь для курьера, ключ падает на монеты с сухим звоном.

— У меня ещё книги и зимние вещи.

— Напиши, когда сможешь забрать. Я соберу или буду дома.

— Не надо собирать. Я сам знаю, что моё.

— До свадьбы я не буду обсуждать с Соней наши документы, — говорит он. — Надеюсь, ты тоже.

— Я не собиралась втягивать её. Но если она спросит, лгать не буду.

— И всё же подумай до завтра. Не позволяй Белову решать за тебя.

— Уходи, Антон.

Он задерживается у двери, словно ждёт, что я окликну или предложу взять торт, потом выходит. Новая дверь закрывается почти бесшумно. Я поворачиваю замок, переставляю его стакан с сушилки на полку и только после этого убираю старый ключ в ящик с запасными батарейками и мебельными заглушками — вещами, которые могут когда-нибудь пригодиться, хотя обычно не пригождаются.

Утром в пятницу я дважды проверяю папку и всё равно забываю копию паспорта. Юрист принимает в офисе над пекарней; на лестнице пахнет горячим хлебом. Ирине Михайловне около пятидесяти, на ней зелёное платье, а телефон лежит в ящике стола с выключенным звуком. Уже за это я готова ей доверять.

— Копию сделаем здесь, — говорит она, выслушав мои извинения. — Свидетельство о браке оригинал?

— Да. Ещё документы на квартиру, машину и выписки. Я не знала, что понадобится.

— Поэтому принесли всё.

— Я редактор. Мы считаем, что лишняя сноска лучше потерянного источника.

Она просматривает документы, не спрашивает, как я держусь, и не произносит слово «предательство». После последних дней её деловитость успокаивает.

— Совершеннолетняя дочь, совместных несовершеннолетних детей нет, — перечисляет она. — Муж на развод согласен?

— Он согласен когда-нибудь. Желательно после свадьбы дочери, а до этого просит не делать резких движений.

— Подать совместное заявление в загс готов?

— Я не спрашивала. Вчера он просил не подавать вообще.

— Начнём с письменного предложения. Если откажется или будет уклоняться, подадим в суд. Иск подготовим сегодня. Имущество в него не включаем: сначала разберёмся со счетами и машиной, а развод не будем задерживать спором о деньгах.

Она говорит «развод» так буднично, будто это отдельная папка, а не двадцать лет, которые нужно разложить по приложениям. Я прячу руки на коленях, чтобы не мять сумку.

— Квартира, полученная по наследству, останется вашей. С машиной и накоплениями разберёмся. Пока ничего не подписывайте. Вы хотите делить имущество?

— Не знаю. Машиной пользуется он, деньги мы откладывали вместе. Вчера он сказал, что хочет разойтись по-человечески.

— Обычно у сказавшего это уже есть представление, какие вещи человеческие, а какие ваши. Сначала всё выясним. Сегодня решать не обязательно.

Пятый день от меня требуют решений люди, которые четыре месяца готовились к своим: где будет жить Антон, кто займётся свадьбой, можно ли разводиться до торта. А здесь мне впервые говорят, что какой-то ответ может подождать.

Ирина Михайловна открывает на компьютере шаблон и задаёт короткие вопросы: дата регистрации брака, адрес Антона, когда мы прекратили жить вместе, ведём ли общее хозяйство. На последнем я запинаюсь.

— В понедельник он уехал. Но вчера пил воду из нашего стакана и забрал носки, которые я купила ему на свадьбу. Это считается общим хозяйством?

Юрист впервые улыбается, совсем немного.

— Для суда — нет. Записываю понедельник. Причину подробно описывать не будем. «Совместная жизнь не сложилась, брачные отношения фактически прекращены, примирение невозможно».

— Она сложилась. Двадцать лет вполне себе складывалась.

Ирина Михайловна перестаёт печатать.

— Для заявления это стандартная формулировка. Можем написать «дальнейшая совместная жизнь невозможна».

— Так честнее.

Клавиши снова стучат. В строке с моей фамилией стоит «Лаврова». Юрист спрашивает, хочу ли я вернуть добрачную. Я не сразу понимаю вопрос, хотя знала, что он прозвучит.

До Антона я была Романовской. Под той фамилией остались аттестат, студенческий билет и первая заметка в районной газете. Лавровой я стала в двадцать лет; под этой фамилией родилась Соня, вышли мои учебники, подписаны договоры и письма. Антон дал её мне не в аренду.

— Оставлю Лаврову.

— Хорошо.

Ирина Михайловна ставит галочку. Через пятнадцать минут принтер выплёвывает три листа. Я исправляю букву в названии улицы и смотрю на предложение о том, что сохранение семьи невозможно. В нём нет Сони в выпускном платье, пудры на сером лацкане и четвергов, которых я теперь боюсь вспоминать. Но всё это не обязано помещаться в иск. Достаточно моего адреса, паспорта и подписи.

— Если вы сейчас не готовы, можете забрать документы и вернуться, — говорит Ирина Михайловна. — Торопить вас никто не вправе.

За окном пищит сдающий грузовик. Я вспоминаю, как Антон просил пять недель — не чтобы сохранить нас, а чтобы развод не испортил свадьбу и его представление о достойном завершении. Наши представления больше не совпадают.

— Готова, — отвечаю я и подписываю все три экземпляра.

Ирина Михайловна сканирует документы и отправляет Антону официальное предложение подать совместное заявление. Копия приходит мне на почту. Иск остаётся у неё подготовленным: если он не согласится в указанный срок, документ уйдёт в суд без новой встречи. Я оплачиваю консультацию, прячу свидетельство о браке обратно в папку и замечаю на телефоне сообщение, пришедшее час назад.

Антон пишет: «Спасибо, что собрала вещи. Я всё-таки надеюсь, что ты не станешь торопиться и сначала подумаешь сама, без влияния со стороны».

Я перечитываю «сама». В понимании Антона самостоятельно — значит прийти к решению, которое он уже одобрил; всё остальное мне подсказали Белов, юрист или обида. Я убираю телефон и спускаюсь в пекарню, где мужчина у кассы долго выбирает между двумя одинаковыми батонами. Обычная пятница продолжается без уважения к моему семейному положению. Уже на улице приходит уведомление: письмо юриста доставлено адресату. Облегчения нет, только ясность, похожая на тишину после выключенного холодильника. Серый костюм у Антона, старый ключ в моём ящике, а просьба ждать пять недель больше не управляет моими

руками. Я прижимаю папку к боку и иду к метро, не отвечая ему. Теперь очередь думать была его.

Глава 6. Танец с папой

В свадебном салоне слишком тепло, хотя за окнами сырая суббота. Я сижу на диване с Сониной сумкой на коленях и смотрю, как из-под шторы примерочной то появляется босая ступня, то исчезает рука портнихи. Рядом с каталогом фат стоят три чашки: две нам принесли сразу, третью консультант поставила после короткой заминки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.